ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Е.А. МУРТУЗАЛИЕВА
(Махачкала)

«ДВЕ ТАЙНЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. НЕКРАСОВ И ТЮТЧЕВ» Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО: ЖАНРОВОЕ И СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Рассматривается жанровое и стилевое своеобразие, особенности композиции работы Д.С. Мережковского «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев». Эссе критической прозы отличается схематизмом, субъективностью оценок. Мережковский интертекстуален, используя метод противопоставления, элементы биографии поэтов, он претендует на авторство «нового слова» о Некрасове и Тютчеве, создает широкий историко-литературный и метафизический контекст.

Ключевые слова: *эссе, критическая проза, схематизм, субъективность оценок, стилевое своеобразие, структура и композиция.*

Работа «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» вышла отдельной брошюрой в 1915 г., но до этого части ее появились в 1914 г.: «Некрасов» («Русское слово», № 183, 9 августа) и «Тайна Тютчева» («Русское слово», номера от 21 февраля, 26 февраля). Работа вызвала множество откликов, мы же назовем только статьи Н.А. Бердяева «О “двух тайнах” Мережковского» [1], В.Я. Брюсова «Разгадка или ошибка. Несколько замечаний по поводу статьи Д.С. Мережковского о Тютчеве» [2], «Ф.И. Тютчев. Смысл творчества» [3]. Среди научных исследований, посвященных очерку Мережковского, мы выделили для себя работы Н.Г. Коптеловой [4], Н.П. Розанова [6], А.В. Чепкасова [7; 8].

Эссе критической прозы «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» довольно объемно, и его анализ может быть либо очень подробным, либо общим, намечающим основные особенности композиции, приемы критического анализа, способы создания образов героев. Цель нашей статьи – очертить именно общие концептуальные особенности манеры Мережковского.

Отметим, что современная критика предъявила Мережковскому все те же претензии к схематичности, злоупотреблению цитированием, бездоказательности и субъективности. Так, Н. Бердяев прямо пишет о том, что метод противопоставления и последующего синтеза как «третьей тайны», открытой Мережковским, положенный в основу работы о поэтах, в данном сочинении, в отличие от работы о Л. Толстом и Достоевском, не работает и производит впечатление клише. «Мережковский мало интересуется Некрасовым и Тютчевым, их индивидуальной судьбой и тайной. Некрасов и Тютчев для него лишь средство. Он навязывает им схему о безобщественной личности, безличной общественности и соединении личности и общественности в самом Мережковском» [1, с. 195].

Более того, Н. Бердяев видит в Мережковском желание вернуться к традициям демократической критики В. Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, к их идеям общественности, но подать их под знаком религиозной духовности. Наблюдения Бердяева представляются нам ценными и современными, однако отметим, что представления Мережковского о двойственной природе сущего, дуализме восприятия бытия в земной и небесной ипостасях кажутся нам не лишенными оснований.

В жанровом плане в работе «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» нам видится, как мы отметили выше, эссе критической прозы. Эта работа очень синтетична по своей природе и содержит в себе элементы и литературной критики, и литературоведческого исследования, и, конечно же, критической прозы. В определении жанра мы руководствуемся, во-первых, установкой автора, нашедшей отражение в самом названии. Название работы по художественному претенциозно и сразу снимает вопрос о литературной критике в чистом виде. Во-вторых, срабатывает хронологический фактор. Уровень литературоведческого исследования в работе не выдержан, работа слишком схематична и субъективна.

Что касается идентификации как жанра критической прозы, мы останавливаемся на определении работы как эссе. По специфическим жанровым признакам это именно эссе, размышление о поэзии и поэтах, пусть даже с использованием элементов биографии и попыткой нарисовать литературные портреты Некрасова и Тютчева. Но все это подчинено одной цели: не просто раскрыть тайны русской поэзии, показать сущность поэзии Некра-

© Муртузалиева Е.А., 2017

сова и Тютчева (по мнению Мережковского), но и концептуально оформить рецепт лечения современной «больной» поэзии [5, с. 420].

Эссе имеет довольно сложную структуру: общую преамбулу-экспозицию «Некрасов и Тютчев» и две части. Первая – «Тайна Некрасова» – состоит из 4 глав, вторая – «Тайна Тютчева» – из 5, однако пятая глава представляет собой своеобразную развязку, содержащую итоговые выводы Мережковского.

Эссе очень интертекстуально и содержит массу отсылок к мнению литераторов, критиков, скрытых цитат или намеков на них. Мережковский имплицитно ориентируется на содержательно-формальные элементы статьи В.Я. Брюсова «Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества», начиная вторую часть эссе, посвященную творчеству Тютчева, с высказываний Аксакова, пусть даже используя иную цитату, по сравнению с Брюсовым.

Брюсов ограничивается цитатой-сентенцией общего плана: «Для Тютчева, как сказал еще И.С. Аксаков, “жить – значило мыслить”. Не удивительно поэтому, что его стихи всегда полны мысли. В каждом его стихотворении чувствуется не только острый глаз и чуткий слух художника, но и ум мыслителя» [3, с. 218]. Мережковский приводит два высказывания Аксакова, связанные со случайностью его появления в русской литературе и об уме Тютчева: «Ум деятельный, не знавший ни отдыха, ни истомы, при совершенной неспособности к действию (Аксаков)» [5, с. 448].

Еще один момент, обращающий на себя внимание, – очередная параллель с работой Брюсова: оба говорят о пантеизме Тютчева, цитируют строку его стихотворения о Пане, но понимают пантеизм по-разному, Мережковский скрыто полемичен к работе Брюсова, написанной ранее, слишком велико его желание выступить в роли пророка, знающего последнюю тайну. В этом плане Н. Бердяев абсолютно прав, заканчивая свою статью следующими словами: «В последние годы писания его вызывают досадное чувство, они не попадают уже в духовный центр жизни. Но будем благодарны ему и за то, что он сделал. Даже современные православные мыслители кое-что получили от Мережковского. Если не дано ему выйти из “двух тайн” в “третью”, то знаменательно само приближение его к этим тайнам» [1, с. 195]. Как в очерке «Пушкин» Мережковский ориентировался на одноименный очерк Ф.М. Достоевского, так и в эссе он ориентируется на отзывы Достоевского о Некрасове в «Дневнике писателя», апеллируя к суждениям Достоевского о последних годах жизни Некрасова и его сборнике «Последние песни».

Кратко проследим логику и структуру мысли Мережковского в эссе. Во вступительной части эссе критик приводит отзывы Некрасова о Тютчеве, но ничего не говорит об оценке Тютчевым Некрасова. Вместе с тем уже здесь намечается оппозиция, основанная на уже знакомом отождествлении Лермонтова с ночным светилом, а Пушкина – с дневным светилом русской поэзии. Теперь это противопоставление Мережковский расширяет за счет включения в его орбиту фигур Тютчева (ночь) и Некрасова (день).

Уже эта вступительная часть полна пафоса и насыщена цитатами. Тем не менее, противопоставляя Некрасова и Тютчева, вслед за Достоевским, упомянувшим Тютчева в «некрасовских» главах «Дневника писателя», Мережковский сразу же говорит о необходимом синтезе. Мережковский использует уже отработанную им схему диалектической триады «тезис – антитезис – синтез», но при этом, как отмечает Н. Бердяев, он весьма далек от подлинного гнозиса [1, с. 188], хотя о нем и упоминает, определяя поэзию Тютчева как гностическую [5, с. 419]. Как когда-то Белинский говорил о приоритете «Отечественных записок» в открытии таланта Лермонтова, так и Мережковский претендует на исключительное знание поэзии Тютчева «лучше всех критиков. Мы уже не ошибемся, как Вл. Соловьев; не примем за поваренную соль кристаллы цианистого кали» [Там же, с. 420]. Финал вводной части выдает целую серию риторических вопросов, ответы на которые и предлагает Мережковский.

Первая часть эссе – «Тайна Некрасова» – начинается с обзора, образно воплощающего эволюцию русской литературы XIX в. через персоналии: Державина, Карамзина, Жуковского, «детей» крепостного права с их «рабским» сознанием; Пушкина, Лермонтова, Гоголя, с их поисками высокой эстетической правды, затем Л. Толстого и Достоевского, с их религиозными исканиями. Писателей века он оценивает через призму идей свободы, богоискательства, народолюбия. В конце первой главы звучит мысль о Некрасове как о явлении в литературе, соединяющем любовь к народу с любовью к свободе, религиозную народную правду с правдой религиозной всечеловеческой, и это соединение должно приве-

сти к синтезу слова и дела, сознание со стихией, русскую литературу с русским освобождением.

Стилистика эссе изобилует эпитетами, метафорами, сравнениями. Синтаксические конструкции усложняются уточняющими членами предложения, создающими эффект градации, акцентирования мысли автора, что привносит в суждения Мережковского торжественность и пафос. Удивительно, что Мережковский лишь намекает на особое отношение Некрасова к религии, не развивая идеи, высказанные раньше в очерке «Иваныч и Глеб».

Вторая и третья главы «некрасовской» части эссе построены на противопоставлении отношения к Некрасову как человеку и писателю собратьев по перу, отношения негативного, и отношения к поэту самого Мережковского. Здесь критик берет на себя миссию защитника Некрасова. Подбор негативных высказываний оппонентов поэта создает искаженную картину реальности, равно как и его суждения об искусстве, в которых часть истины подменяет собой целое: «Искусство было соборным – церковным; оно, может быть, будет соборным – народным. Сейчас искусство только лично в узком смысле индивидуализм, утверждение одинокой личности: один говорит, все молчат – “народ безмолвствует”; но заговорит когда-нибудь, и голос его, “подобный шуму вод многих”, не будет ли тою новою песнью, хвалою Всевышнему, которая предсказана как прекраснейшее, что может быть людьми достигнуто?» [5, с. 436]. То, что с оговорками могло бы быть отнесено к поэзии, даже к ее части, Мережковский постулирует на все искусство. Мережковский не дерзает назвать Некрасова великим, прячась в этом за слова и авторитет Достоевского, но критик верно подмечает некоторые особенности лирики Некрасова, называет ее мотивы.

Мережковский не ставит перед собой задачу нарисовать литературные портреты своих героев, идея в эссе превалирует над образом, подчиняя себе даже критический анализ, что, несомненно, сказывается на его качестве, превращая его в односторонний и даже тенденциозный. В сравнении Некрасова с Пушкиным, даже при оговорке, что оно было бы эстетическим промахом, Мережковский исходит из тезиса о том, что поэзия – это не только поэзия, но и пророчество, не только созерцание, но и действие. Созерцателю Пушкину он противопоставляет поэзию действия Некрасова, и в этом смысле «он ближе нам, чем Пушкин; в этом нам больше по пути с ним» [5, с. 431]. Мережковский даже соглашается с Чернышевским, признавшим именно Некрасова величайшим из русских поэтов. Из массы неприязненных отзывов в адрес Некрасова человека Мережковский делает вывод абсолютно бездоказательный: «Поэт ненавистен, а человек еще ненавистнее. И причина ненависти к его поэзии именно здесь, в его человеческой личности» [Там же, с. 434].

Гораздо продуктивнее выводы Мережковского о характере демократизма русских писателей, которых он тоже противопоставляет: идущих к народу (демократия нисходящая – от Пушкина к Толстому, Достоевскому) и идущего от народа (демократия восходящая – Некрасов). Истоки этого он видит в социальном происхождении и положении писателя. Как и у Достоевского в «Дневнике писателя», у Мережковского в эссе в связи с образом Некрасова возникает образ его героя Власа.

Лишь в финале «некрасовской» части эссе Мережковский раскрывает то, что считает тайной Некрасова, и это тайна сопрягается с соловьевскими категориями: «“Красота спасет мир”? Нет, красота – только сияние, только заря невзошедшего солнца любви. Не красота спасет мир, а любовь, Вечное Материнство, вечная Женственность. Родная мать – родная земля. “Земля Божья”, – говорит русский народ. Это значит: земля ничья, земля общая, свободная; только свободная земля – Божья. Тут уже свобода с Богом. Раскрытая в христианстве тайна о небе – любовь есть Бог; нераскрытая тайна о земле – свобода есть Бог. Вот что хочет нам сказать Некрасов; вот зачем его тоскующая тень бродит около нас» [Там же, с. 446].

Вторая часть эссе, «тютчевская», начинается с портретной и биографической зарисовки. Психологический портрет героя Мережковский рисует, используя факты биографии и цитаты (например, слова Аксакова), а также образное сравнение Тютчева с героем рассказа И.С. Тургенева «Рассказ отца Алексея». Это помогает критику выстроить картину религиозных представлений Тютчева, проявившихся в лирике поэта и, по мнению Мережковского, являющихся своеобразной художественной иллюстрацией работы Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Ответ на вопросы («От родины отрекается с такою же легкостью, как от поэзии. Но может быть, и за этою легкостью та же страшная тяжесть – самоубийство, саморазрушение? <...> “Он был совершенно чужд в

своем домашнем быту не только православно-церковных обычаев, но даже и прямых отношений к церковно-русской стихии", – говорит Аксаков. Это значит: жил, как все русские интеллигенты, "безбожники". <...> ...От языка, от родины, от веры отцов – от всего отрекается. Для чего?» [5, с. 450]) Мережковский ищет в поэзии Тютчева, в его мироощущении.

Критик уходит в метафизические сферы, образно рассуждая о бытии, христианстве, противопоставлении земного и небесного, находя подтверждения своим рассуждениям в стихах Тютчева, которые он обильно цитирует. Мережковский останавливается на мотивах добра и зла, хаоса, бездны и космоса, безумия природы и человека; он видит в строках Тютчева следы влияния Пушкина («опять в Пушкине – Тютчев, в самом здоровом – самый больной» [Там же, с. 461]).

Логика метафизической мысли Мережковского такова: индивидуализм способен привести к пантеизму, следовательно, обожествление человеческой личности приведет к обезличению Бога. Всего лишь один волосок отделяет пантеизм (Бог – всё) от атеизма. Отсюда, в очень образной форме, Мережковский переходит к утверждению хаотичности мира и тому, что жизнь – уже смерть. Натурфилософия Тютчева настолько антипатична Мережковскому, что он называет нигилизм «русских мальчиков» в духе Бюхнера и Молешотта детской шалостью по сравнению с нигилизмом поэта.

В третьей главе «тютчевской» части эссе поэтические цитаты из Тютчева заменены на рассуждения о политике, славянофильстве, революции, борьбе западной и восточной теократий. И здесь позиция Тютчева представляется Мережковскому четкой и ясной, в отличие от позиции новых славянофилов Булгакова, Бердяева, Флоренского и «веховцев», хотя «византийская реставрация Тютчева <...> оказалась непригодною для русской политики» [Там же, с. 472].

В глазах Мережковского Тютчев не лучше и не хуже других славянофилов, он только правдивее их, правдивость же – оправдание поэта. Описывая болезнь и смерть Тютчева, Мережковский вновь обращается к фактам биографии поэта и его стихам. Важным для понимания мироощущения поэта критик считает его отношение к любви, т.к. любовь Мережковский понимает как действие, дело всей жизни. Именно поэтому правда молчания, уединения не может быть последней истиной.

«Да, Тютчев мог бы спастись любовью, и если не спасся, то был уже на краю спасенья. Но не понял этого – не понял и погиб или думал, что гибнет», – пишет Мережковский, имея в виду чувства Тютчева к Е. Денисьевой [5, с. 477]. Мережковский не согласен с трактовкой кончины Тютчева Аксаковым. Отсюда вывод: «Мы видели гибель Тютчева здесь, на земле; чтобы увидеть его спасение в вечности, нам нужно понять, что соединяет его с существом, наиболее противоположным и подобным ему, быть может, не только здесь, но и в вечности, – с Некрасовым» [Там же, с. 477]. Эта сентенция, так и не резюмировав смысл тайны Тютчева, предваряет итоговые выводы Мережковского в эссе.

Мережковский пытается синтетически соединить «день» и «ночь», общественное с личным, пытается разобраться, почему Некрасов предчувствием, бессознательно понял Тютчева, но Тютчев не понял Некрасова. Актуальность подобного синтеза он пытается показать на интересе Ропшина-Савинкова к Некрасову и Тютчеву, вовсе не осознавая, говоря словами Бердяева, что «литература освобождается от политического утилитаризма» [1, с. 194].

Тайну соединения Некрасова и Тютчева Мережковский видит в том, что оба поэта – противоположные двойники, и их противоположность замечают многие, а вот двойничество отметил только он один. Рефреном через все эссе проходит мысль о том, что Некрасов весь в бессознательном действии, а Тютчев – в бездейственном созерцании.

Наличие сослагательного наклонения и новых риторических вопросов, помимо воли Мережковского, подтверждают тот факт, что тайну поэтов критик так и не открыл, и в этом плане мы вполне солидарны с мнением Н.А. Бердяева.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О «двух тайнах» Мережковского // Его же. Мутные лики. М.: Канон, 2004. С. 187–195.

2. Брюсов В.Я. Разгадка или ошибка? Несколько замечаний по поводу статьи Д.С. Мережковского о Тютчеве // Русская мысль. 1914. № 3. С. 16–19.

3. Брюсов В.Я. Ф.И. Тютчев. Смысл его творчества // Его же. Сочинения в 2 томах. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 217–233.

4. Коптелова Н.Г. Лермонтов в рецепции Д.С. Мережковского (на материале литературно-критических работ 90–900 годов) // Русская литература XIX–XX веков в современном мире: сб. науч. статей / науч. ред. В.В. Тихомиров; отв. ред.

Н.Г. Коптелова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 211–218.

5. Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев // Его же. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. С. 416–482.

6. Розанов Н.П. О «новом религиозном сознании» (Мережковский и Бердяев) // Издание отдела публичных богословских чтений при Обществе Любителей Духовного Просвещения. Печатня А.И. Снегиревой. М., 1908. С. 1–35.

7. Чепкасов А.В. Неомифологизм в творчестве Д.С. Мережковского 1890–1910-х гг.: дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 1999.

8. Чепкасов А.В. Миф и символ в критическом дискурсе Д.С. Мережковского («Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев») // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе XX века. Томск, 2002. С. 33–43.

* * *

1. Berdjaev N.A. O «dvuh tajnah» Merezhkovskogo // Ego zhe. Mutnye liki. M.: Kanon, 2004. S. 187–195.

2. Brjusov V.Ja. Razgadka ili oshibka? Neskol'ko zamechanij po povodu stat'i D.S. Merezhkovskogo o Tjutcheve // Russkaja mysl'. 1914. № 3. S. 16–19.

3. Brjusov V.Ja. F.I. Tjutchev. Smysl ego tvorchestva // Ego zhe. Sochinenija v 2 tomah. M.: Hudozh. lit., 1987. T. 2. S. 217–233.

4. Koptelova N.G. Lermontov v recepcii D.S. Merezhkovskogo (na materiale literaturno-kriticheskih rabot 90–900 godov) // Russkaja literatura XIX – XX vekov v sovremennom mire: sb. nauch. statej / nauch. red. V.V. Tihomirov; otv. red. N.G. Koptelova. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2009. S. 211–218.

5. Merezhkovskij D.S. Dve tajny russkoj pojezii: Nekrasov i Tjutchev // Ego zhe. V tihom omute: Stat'i i issledovanija raznyh let. M.: Sov. pisatel', 1991. S. 416–482.

6. Rozanov N.P. O «novom religioznom soznanii» (Merezhkovskij i Berdjaev) // Izdanie otdela publichnyh bogoslovskih chtenij pri Obshhestve Ljubitelej Duhovnogo Prosveshhenija. Pechatnja A.I. Snegirevoj. M., 1908. S. 1–35.

7. Chepkasov A.V. Neomifologizm v tvorchestve D.S. Merezhkovskogo 1890–1910-h gg.: dis. … kand. filol. nauk. Kemerovo, 1999.

8. Chepkasov A.V. Mif i simvol v kriticheskom diskurse D.S. Merezhkovskogo («Dve tajny russkoj pojezii. Nekrasov i Tjutchev») // Transformacija i funkcionirovanie kul'turnyh modelej v russkoj literature XX veka. Tomsk, 2002. S. 33–43.

“Two Secrets of Russian Poetry. Nekrasov and Tyutchev” by D.S. Merezhkovsky: genre and stylistic originality

The article deals with the genre and stylistic originality, compositional features of the work by D.S. Merezhkovsky “Two Secrets of Russian Poetry. Nekrasov and Tyutchev”. The critical prose essay is schematic and subjective in evaluations. Merezhkovsky is intertextual; using the method of opposition and the elements of the biography of poets, he claims the authorship of “the new word” about Nekrasov and Tyutchev, creates a wide literary historical and metaphysical context.

Key words: *essay, critical prose, schematic, subjectivity of evaluations, stylistic originality, structure and composition.*

(Статья поступила в редакцию 19.09.2017)

М.А. МЕДВЕДЕВА
(Волгоград)

ОТ ДРАМАТУРГИИ К ПРОЗЕ (НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Р.П. КУМОВА)

На основе архивных материалов раскрываются неизвестные страницы творческой биографии Р.П. Кумова. Выявляется роль актрисы В.Ф. Комиссаржевской и писателя И.Л. Леонтьева-Щеглова в литературной судьбе донского прозаика и драматурга. Анализируется переписка Р.П. Кумова и И.Л. Леонтьева-Щеглова, которая дает возможность воссоздать творческую историю целого ряда произведений Р.П. Кумова.

Ключевые слова: *Р.П. Кумов, В.Ф. Комиссаржевская, И.Л. Леонтьев-Щеглов, творческая биография, творческая история.*

Проблема реконструкции творческой биографии Р.П. Кумова (1883–1919) – одного из самых значительных представителей донской литературы Серебряного века – является насущной задачей в изучении художественно-

© Медведева М.А., 2017